

ШАБРОВ Олег Федорович — доктор политических наук, профессор; заведующий кафедрой политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, президент Академии политической науки (119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 84; oshabr@mail.ru)

ПОНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО: ВОЗМОЖНА ЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА?

Аннотация. В статье рассматриваются базовые понятия политической науки – «политика» и «политическое», устанавливаются критерии отнесения общественных явлений к сфере политического, раскрывается место сферы политического в общественной системе и ее взаимосвязь со сферами экономического, духовного и социального. Показана актуальность проблемы предметной определенности политической науки, формулируются авторские подходы к ее решению. Автор полагает, что его публикация послужит снижению степени неопределенности в вопросе о предмете политологии.

Ключевые слова: политика, политическое, политическая сфера, экономическая сфера, духовная сфера, социальная сфера

Всякая наука имеет дело с достаточно определенной областью реального мира. Существуют, конечно, области межпредметных исследований, такие как биохимия, астрофизика, медицинская антропология и т.п. Более того, доминировавшая примерно с середины XIX в. тенденция углубления специализации наук и их обособления сменилась к концу XX в. противоположной тенденцией – развитием междисциплинарных исследований. При этом, однако, в соответствующих научных сообществах сохраняется достаточно солидарное представление об объекте и предметном поле собственных исследовательских интересов и уж тем более не ведутся серьезные дискуссии о наличии у своей науки достаточно четких границ предмета.

Иное дело наука политическая. В дискуссиях о том, что такое политика и что есть «политическое», сломано немало копий. Представления о них колеблются в широком диапазоне – от распространенного утверждения, что политика – грязное дело, до возвышенного представления о политике как деятельности на общее благо. «Политика, – писал, к примеру, И.А. Ильин, – есть прежде всего служение – не “карьера”, не личный жизненный путь, не удовлетворение тщеславия, честолюбия и властолюбия... Служение предполагает в человеке повышенное чувство ответственности и способность забывать о своем личном “успехе-неуспехе” перед лицом Дела» [Ильин 2007: 194].

Но этого мало. Многие авторитетные политологи полагают, что понятия политики и политического в принципе не имеют и не могут иметь однозначной трактовки. «Теория, – пишет в своем учебнике для вузов А.И. Соловьев, – может создавать бесконечное количество трактовок политики» [Соловьев 2006: 7]. И далее: «Политическая наука представляет собой *открытую* (выделено мной. – О.Ш.) систему знаний, развивающуюся на основе постоянного уточнения и обновления теоретических образов политики... Именно поэтому в современной политике нет единого теоретического направления, которое сформировало бы однозначные подходы и общепризнанные оценки мира политики» [Соловьев 2006: 14]. Столь же пессимистичный взгляд демонстрирует и Т.В. Карадже: «Политическое представляет собой сложное, многоуровневое, многообразное и вместе с тем динамично изменчивое явление, которое невозможно исследовать с помощью четко очерченной схемы. Любая попытка исчерпывающе определить содержание политического неизбежно терпит крах...» [Карадже 2013: 6]. Из 62 статей, содержащихся в вышедшем в 2007 г. объемном издании «Политология:

Лексикон», 27 посвящены категориям, содержащим термин «политическое». Не раскрыто лишь само понятие политического. Статья же, посвященная понятию политики, содержит недвусмысленное предупреждение политологу: «...наиболее серьезная интеллектуальная ловушка, которая подстерегает ученых... состоит в их стремлении придать политике целостный и системный характер, уловить законообразность ее исторического движения, сформировать лишенный противоречий образ этого явления» [Соловьев 2007: 324].

Суть проблемы в том, что суждения эти содержат скепсис в отношении не только понятий, но и возможности политической науки как таковой. Выходит, мои современники не в состоянии говорить на одном научном языке не только с Платоном, но и между собой. Но и это не все. Отсутствие договоренности между представителями той или иной отрасли знаний по поводу ключевых понятий и закономерностей ставит вообще под вопрос отнесение этой области к сфере науки. «Есть одно коренное явление, — писал В.И. Вернадский, — которое определяет научную мысль и отличает научные результаты и научные заключения ясно и просто от утверждений философии и религии, — это *общеобязательность и бесспорность правильно сделанных научных выводов, научных утверждений, понятий, заключений* (выделено мной. — О.Ш.)» [Вернадский 1991: 139]. Какие уж тут общеобязательность и бесспорность выводов, если даже по поводу предметной области нет общеобязательных и бесспорных суждений!

Это противоречие и побуждает вернуться к вопросу о понятии «политическое» и в очередной раз попытаться определить его содержание.

Политика

Наша цель состоит в том, чтобы определить понятие политического и через него установить границы предметной сферы политической науки, выяснить, какие явления мы относим к числу политических. Иными словами, нам нужно установить признаки, которые, во-первых, присущи всем объектам интересующего нас множества и, во-вторых, отличают их от всех остальных объектов. Для понятия политического в политической науке это особенно актуально, поскольку почти весь ее категориальный аппарат представляет собой совокупность терминов, содержащих комбинацию из двух и более слов, одно из которых — прилагательное «политическое». Не установив значения последнего, мы никогда не договоримся о том, что такое «политическая власть», «политическая система», «политический процесс» и т.п.

Не претендуя на рассмотрение политического во всех его аспектах, мы ставим целью лишь определить границу области явлений, которые мы относим к классу политических. Это предполагает необходимость выявить содержание не только области политического, но и граничащих с нею областей. В качестве таковых представляется естественным последовать логике Т. Парсонса, представившего общественную систему как совокупность четырех подсистем: социального сообщества, подсистемы воспроизводства образца, политики и экономики [Парсонс 1998: 24]. В рамках современных, хорошо устоявшихся терминов мы должны определить сферу политического и ее взаимосвязи с социальной, экономической сферами и сферой культуры (духовной сферой).

Но это трудно сделать, не определившись с понятием политики. Поэтому рискнем и устремимся в «интеллектуальную ловушку». Принято ссылаться на определение М. Вебера, согласно которому политика есть «стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей» [Вебер 1990: 646]. Все бы ничего, да только почему лишь «стремление»? И что тогда дает основание для распространенных среди части российских политологов суждений типа:

«в России политики, в западном понимании этого слова, нет» [Пастухов 2007]? Разве в России никто не стремится к власти? Разве содержание научных понятий может иметь разные смыслы в разных частях планеты? Если да, то снова встает вопрос, является ли политология наукой.

На самом деле проблема содержания понятий, используемых в разных обществах, существует объективно, и не только в политологии. Одна из причин этого — различие культур и связанных с ними способов отражения реальности, находящее отражение в специфике языков. Студенты-политологи 1-го курса знают, например, что русское слово «политика» переводится на английский язык как минимум тремя терминами — *polity*, *policy* и *politics*, означающими институциональный, содержательный и процессуальный аспекты политики. При этом мало кто придает значение тому факту, что в английском языке нет, как в русском, интегрального понятия, которое отображало бы эти три явления в совокупности!

Здесь мы сталкиваемся с одним из проявлений существенного отличия в восприятии окружающего мира рациональным человеком Запада и русским человеком, в большей степени созерцательным. В сознании российского человека объект обозначается понятием как целое, нерасчлененное. Напротив, рациональный западный человек познает объект через его анализ, вычленение составляющих, которые не всегда затем объединяются в целое.

Все это, помимо прочего, усложняет понимание переводных работ. Это обстоятельство нельзя не учитывать, тем более что современная российская политология во многом построена на заимствованиях из западных текстов. Оно диктует также необходимость развивать собственные, не обязательно вступающие в противоречие с западными школы политической науки, вписывающиеся в контекст российской культуры.

Существуют и другие причины, предопределяющие различие трактовок понятий политической науки, включая базовые. Два обстоятельства накладывают на нее особый отпечаток: генетическая связь с философской мыслью и вольная или невольная идеологическая и политическая ангажированность исследователей.

С античных времен европейская философская мысль искала формулу совершенного государства (Платон), а русская — государства благодати (митрополит Илларион), позднее — Святой Руси. Светская в своей основе античная философия и религиозная русская были едины в одном: критерий истины они искали в соответствии идеалам, ценностям.

Иное основание для соотнесения социальной практики, в т.ч. и в сфере политики, с определенными системами ценностей возникает из приверженности экспертов определенным моделям общественного устройства. На протяжении почти всего XX в. в мировом сознании и на практике доминировали две конкурирующие модели: советская и западная. Сторонники каждой из них рассматривали движение к своему «идеалу» как единственно верный, объективно обусловленный путь развития общества.

С крушением советской системы и дискредитацией советских образцов советскоцентристская модель сдала позиции и оказалась практически полностью вытесненной на периферию мировой политической мысли западцентристской моделью общественного развития. В отсутствие конкуренции идей произошла фактическая сакрализация западных ценностей, а соответствие им реальной политической практики стало для нее критерием истины. Это и дает основание сторонникам данного направления утверждать, что политика, не отвечающая данному критерию, политикой не является. Здесь мы продолжаем, как и в XX в., иметь дело с идеологией, правда, в условиях временного отсутствия авторитетной идеологической альтернативы. Идеологическая ангажированность вольно или невольно делает ученого заложником собственных идеологических и поли-

тических предпочтений, толкает его ради их обоснования к подмене смысла понятий, в т.ч. понятий политики и политического.

Нельзя не указать и на еще один источник путаницы в категориальном аппарате политологии. Это проникновение в него обыденного понимания политики. В повседневном общении говорят о политике преподавателя, директора предприятия, отца в семье и т.п. Примером может служить книга авторитетного нидерландского приматолога Ф.Б.М. де Ваала «Политика у шимпанзе» [Де Валь 2016], русский перевод которой издан в Высшей школе экономики в серии «Политическая (!) теория».

Все это лишний раз побуждает вернуть понятийный аппарат политологии в русло науки, найти основным ее категориям то содержание, которое, хотя бы в первом приближении, не зависело бы от философских взглядов, идеологических предпочтений и обыденных представлений.

Принимая во внимание все варианты использования термина «политика», можно сказать, что не всякая политика входит в круг интересов политолога и является в этом смысле политической. Политика понимается различными способами: и как борьба больших групп людей за возможность распоряжаться общественными ресурсами, и как деятельность во имя общего для страны блага, и как борьба за обретение, удержание и использование государственной власти, и как процесс подготовки, принятия и реализации общеобязательных для страны решений. Однако нетрудно заметить, что все эти способы хорошо согласуются друг с другом, отражают различные стороны одного явления. Это относится, прежде всего, к борьбе за распределение общественных ресурсов, если понимать под ними материальные, интеллектуальные и духовные ресурсы, производимые обществом. Что касается консенсусного представления о политике как деятельности на общее благо, то лишь на первый взгляд оно противоречит конфронтационному подходу. Ведь именно через борьбу за ресурсы в политической сфере реализуется в идеале тот баланс интересов, который и обеспечивает принятие общеобязательных решений, направленных на реализацию общего блага.

В любом случае политика — это деятельность по реализации названных и подобных им целей и возникающие в процессе этой деятельности отношения. Поскольку сама деятельность есть отношение между действующим субъектом и объектом, на который эта деятельность направлена, политика может быть представлена как совокупность соответствующих отношений. В эпицентре этих отношений — политическая власть, так что политику можно определить как совокупность общественных отношений политической власти и отношений по поводу этой власти. В конце концов, как точно подметил известный советский философ А.И. Уемов, «всякая наука, каков бы ни был ее предмет, изучает вещи, их свойства и отношения...» [Уемов 1963: 3]. В нашем случае рассмотрение политики как совокупности именно отношений представляется более конструктивным как для понимания проблемы политического, так и для раскрытия сути его взаимосвязи с другими общественными сферами.

Существуют, конечно, подходы, которые плохо согласуются с нашим определением. Например, Э. Хейвуд понимает под политикой «процесс, в рамках которого люди создают, сохраняют и обогащают нормы собственного общежития» [Хейвуд 2005: 519]. Но, во-первых, не только в рамках политического процесса формируются социальные нормы, а во-вторых, политика явно к этому не сводится. Иными словами, данное определение не обладает свойством полноты и не позволяет выделить политику из других общественных явлений, т.е. не может служить понятием. Страдают изъятиями и другие подходы, но их рассмотрение заняло бы неоправданно много места.

Политическое

Есть изъян и в предложенном нами определении: понятие политики дано через понятие политической власти, так что остался открытым вопрос: какую власть мы называем политической? Иными словами, надо решить задачу, которая обозначена с самого начала: дать определение политического. Ясно, что область политического не совпадает с политикой: выше уже было отмечено, что не всякая политика является политической. Представляется также очевидным и обратное — не все политическое является политикой: политическая культура, политическое сознание, политическая система выходят за пределы политики, если под последней мы понимаем определенное рода деятельность.

Будем исходить из очевидного факта, что все политическое так или иначе связано с государством, а под политической властью понимается власть, прежде всего, государственная или реализуемая посредством государства. Причастность государства к тому или иному явлению является первым необходимым признаком того, что явление это относится к сфере политического. Необходимым, но не достаточным: не все государственное мы относим к политическому. Мы не считаем, например, политическими функции бухгалтера, служебные отношения начальника и подчиненного в министерствах. К политическому принято относить только то государственное, что оказывает влияние на общественную среду. Это его второй необходимый признак.

Но и совокупности этих двух признаков недостаточно. Существует множество государственных учреждений, вступающих в непосредственные отношения с общественной средой, — в России, например, это Государственная инспекция безопасности дорожного движения, санитарно-эпидемиологическая, пожарная и прочие службы, деятельность которых тоже вряд ли можно отнести к сфере политического. Почему?

Ответ на этот вопрос мы находим у К. Шмитта, для которого ключ к пониманию специфики политического — «это различие на *друга и врага* (выделено мной. — *О.Ш.*)» [Шмитт 2012: 25]. Если отвлечься от алармистского характера используемой им терминологии, К. Шмитт обратил внимание на действительное отличие сферы политического от других сфер общества: оно начинается там, где отношения между социальными группами, между «мы» и «они» обостряются из-за несовпадения интересов. В том, собственно, и состоит основная функция политических лидеров, партий, групп давления, общественно-политических движений — чтобы агрегировать и артикулировать специфические интересы различных значимых с точки зрения их влияния на государственную политику социальных групп и отстаивать их, оказывая воздействие на принятие и реализацию государственных решений.

В государственных учреждениях, упомянутых выше, объективно нет почвы для возникновения оппозиции «друг — враг» (хотя государство может ее создать, политизируя тем самым неполитические по своей природе проблемы). Такую сферу отношений относить к политическому не принято. В этом смысле представляется уязвимой позиция авторов, относящих к политике всякую деятельность по принятию государственных решений, распространяющихся на все общество [Алексеева 2005: 169]. В нашем понимании такая «политика» выходит за пределы сферы политического.

Итак, наличие у явления этих трех названных признаков — государство, значимые социальные группы, несовпадение интересов — не только необходимо, но и достаточно, чтобы отнести его к числу политических, разумеется, если не соотносить это явление с ценностями, т.е. оставаться в поле науки. Иными словами, политическим можно назвать любое общественное явление, связанное с государством и затрагивающее несовпадающие интересы значимых социальных

групп. В этой триаде формальных признаков особая роль принадлежит государству. Ее уяснение необходимо для понимания сути политического.

Не углубляясь в разбор научного творчества К. Шмитта в целом, отметим лишь одну, но принципиальную ошибку в его рассуждениях. Государству он фактически отводит роль арбитра, который вправе «по собственному решению определять врага и бороться с ним» [Шмитт 2012: 42]. Проецируя этот тезис на внутреннюю политику, он утверждает, что «государство как политическое единство, пока оно существует, может определять своего “внутреннего врага”» [Шмитт 2012: 43]. Последовательное развитие этой идеи привело его не только к теоретическому обоснованию национал-социализма, но и в ряды гитлеровской Национал-социалистической немецкой рабочей партии.

На самом деле государство как институт не только управленческий, но и политический, функционируя в интересах наиболее значимых социальных групп, призвано обеспечить при этом целостность страны в интересах этих социальных групп. Здесь принципиальное отличие государственного управления от производственного и любого иного: оно неизбежно имеет политическую составляющую, через которую совместно с другими политическими институтами обеспечивается социальное согласие, достаточное для поддержания стабильности общественной системы. Даже в отсутствие демократических институтов оно находится под постоянным прессом влиятельных кланов, каст, сословий, классов, этнических и религиозных сообществ, а периодически — и недовольных низов. В том и состоит миссия сферы политического, чтобы в ней осуществлялся поиск возможных компромиссов между значимыми социальными группами через их представителей с целью недопущения дезинтеграции общества. В сфере политического значимые социальные группы получают возможность вместо прямого выяснения отношений находить компромисс через своих представителей и реализовывать его с использованием механизмов государственного подчинения.

Это дает основание некоторым исследователям идеализировать политическое, рассматривать его исключительно как сферу договоренностей и компромиссов, противопоставлять политическое административному. Эта схема далека, однако, от реальной практики. Не случайно наука оперирует понятиями «политическая коррупция», «политическое насилие», «политический террор» и другими, к компромиссам и договоренностям никакого отношения не имеющими. К тому же не все решения политиков, основанные на компромиссе и даже консенсусе, охотно исполняются гражданами, что требует от государства применения насилия. Реальная политика, как и все реальное, далека от идеала.

Определение политического по наличию трех необходимых и достаточных критериев (государство, значимые социальные группы, несовпадение интересов) расширяет сферу политического до реальных пределов, включающих и политическое как сферу договоренностей и компромиссов. В то же время такое понимание границы политического дает возможность более четко уяснить и ее взаимосвязь с граничащими с ней сферами — социальной, экономической и духовной — таким образом, что их совокупность становится полной, включающей все сферы жизнедеятельности общества, в т.ч. и деятельность государственных органов принуждения.

Политическое в общественной системе

Теперь мы можем приступить к установлению взаимосвязи между политическим и другими общественными сферами, составляющими в совокупности, по Парсонсу, общественную систему. Рассмотрев политическое как совокупность отношений, мы и другие сферы должны рассматривать как совокупности отношений, чтобы соответствующие понятия были сопоставимыми. Четыре сферы,

представляющие в совокупности общественную систему, можно, в конечном счете, представить в этом случае как отношение социальных групп с природной, материальной средой (экономическая сфера), духовной средой (духовная сфера), между собой (социальная сфера) и с государством как представителем общества в целом (политическая сфера). Соответственно, к экономической сфере мы отнесем отношения, складывающиеся в процессе производства, воспроизводства, обмена и потребления материальных ценностей. В духовной сфере складываются отношения производства, воспроизводства, обмена и потребления духовных ценностей – религиозных, нравственных, эстетических. Отношения, складывающиеся по поводу распределения ценностей, можно отнести к социальной сфере. Само же распределение и перераспределение ценностей, реализуемые через государство, и возникающие в этой связи отношения политической власти и по поводу власти, как уже было показано выше, относятся к политической сфере жизнедеятельности общества.

Взаимное влияние *экономической* и *политической* сфер сегодня не подвергается сомнению. С одной стороны, от политиков зависит принятие решений о государственных инвестициях и других мерах поддержки тех или иных отраслей, наполнении и расходовании общественных фондов, создании механизмов обмена, об ответственности за нарушения законов в экономической сфере. С другой стороны, государство может перераспределять, инвестировать, расходовать на силовые структуры только то, что получает в свое распоряжение от экономической деятельности граждан через систему налогов и сборов. Возможности политики ограничены ресурсами экономики.

Но влияние экономики на политику не сводится к функциям ресурсной базы. Само политическое устройство общества во многом определяется уровнем экономического развития. Овеянная романтикой античная демократия давала право голоса далеко не всем жителям полиса, а только гражданам, оставляя рабов на правах одушевленной собственности и самого совершенного орудия. Ни в античные времена, ни в средние века не было экономических условий для демократии в современном ее понимании. Эта зависимость политики от экономики как общесоциологическая тенденция была исследована К. Марксом, Ф. Энгельсом и их сподвижниками – идеологами рабочего движения Европы и России конца XIX – начала XX вв. Она была сформулирована в теории общественно-экономических формаций и получила известность как *формационный подход*. Именно как историческая тенденция, а не «экономический детерминизм» в его вульгарном истолковании обосновывается зависимость политики от экономики в аутентичном марксизме. На обвинения в обратном К. Маркс еще в 70-х гг. XIX в. иронически заметил: «Я знаю только одно, что я не марксист» [Энгельс 1965: 370].

Таким образом, сфера экономики содержит предпосылки политики, условия возникновения определенных типов политического устройства и материальные ресурсы. Политика, в свою очередь, влияет на экономику, создавая правовые и прочие условия ее функционирования, а также непосредственно через механизмы государственного управления.

Проблема соотношения *духовной* и *политической* сфер не менее сложна, но менее разработана и привлекала до сих пор меньше внимания. В этой сфере (куда относят религию, мораль, искусство, образование и т.п.), в отличие от экономической, происходит удовлетворение потребностей человека в создании, передаче и потреблении не материальных, а духовных ценностей. В современном обществе потребления этой сфере придается второстепенное значение не только в теории, но нередко и в реальной политике, хотя именно здесь лежит принципиальное отличие человека от животного.

В одном из сегментов духовной сферы заложен механизм производства и воспроизводства социальных общностей, общественной системы в целом. Это духовная культура, понимаемая как совокупность исторически сформированных, устойчивых, передаваемых из поколения в поколение значимых идей, социальных ценностей, обычаев, верований, традиций, норм и правил поведения, что ставит духовную сферу в один ряд по значимости со сферой экономической. Нельзя не согласиться с А.А. Пелипенко, пишущим об ущербности панэкономического взгляда на бытие, «когда экономические показатели оцениваются вне общего культурно-исторического, а главное, вне ценностных установок соответствующего человеческого типа. Поэтому причины кризисов и упадков тех или иных цивилизаций первым делом ищут в области экономики, производства и технологий. И немало удивляются, обнаруживая, что кризисы, упадок и разрушения нередко настигают общества в эпохи их экономико-технологического и военного расцвета» [Пелипенко 2014: 37]. Процессы массовой миграции, ставшие одной из отличительных черт XXI столетия и приводящие к непосредственному соприкосновению различных культур, выдвигают проблему «воспроизводства образца» в число наиболее актуальных.

Совокупность устоявшихся ценностных ориентаций и установок, содержащаяся в коллективном бессознательном, составляет ядро культуры, его называют ментальностью. В ментальности каждой социальной общности — этнической, религиозной, национальной, классовой — присутствует специфика, связанная с особенностью пройденного ею исторического пути и существенно влияющая на быт, политическое и экономическое поведение ее представителей. Недооценка этого влияния влечет за собой существенные издержки в политике. Попытки навязать обществу политическую конструкцию, не соответствующую его ментальности, не обрета общественной поддержки, обречены на неудачу. Надежды на радикальное изменение ментальности также минимальны: коллективное бессознательное инертно, его изменения происходят только по мере накопления и напластования нового социального опыта. Можно разрушить ценности социальной общности — современные информационные технологии позволяют это делать, — но тем самым разрушаются регуляторы социального поведения, общество погружается в состояние аномии, разрушается цементующая группу социальная идентичность. Возникает угроза распада социальной общности и, соответственно, всей государственной и политической конструкции.

На этом основано влияние духовной культуры и духовной сферы в целом на сферу политического. Даже К. Маркс, которому необоснованно приписывается модель экономического детерминизма, отводил этому влиянию существенную роль. «Право, — писал он, — никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им *культурное* (выделено мной. — О.Ш.) развитие общества» [Маркс 1961: 19]. Культура, а вместе с ней и духовная сфера является базисом наравне с экономической сферой по отношению к сфере политической. Как и экономика, она содержит предпосылки политики — условия возникновения определенных типов политического устройства и предоставляет ей свои — духовные — ресурсы. Политика, в свою очередь, влияет на духовную сферу, создавая правовые и прочие условия ее функционирования, и непосредственно через соответствующие учреждения, и средствами информационного воздействия.

Наконец, один из сегментов духовной культуры входит в сферу политического непосредственно. Это политическая культура — совокупность исторически сформированных, устойчивых, передаваемых из поколения в поколение значимых политических идей, ценностей, обычаев, верований, традиций, норм и правил политического поведения.

Наконец, соотношение *социального* и *политического* можно трактовать по-разному в связи с различным пониманием социального. Социальное в широком смысле, понимаемое как общественное, по объему понятия практически совпадает с социальной системой, и в этом смысле политическое рассматривают как часть социального. Нередко понятие социального зауживают до совокупности учреждений, функцией которых является производство и воспроизводство человека, создание бытовых условий его существования. В нашем случае социальное, понимаемое как совокупность межгрупповых отношений в общественной системе, позволяет увидеть взаимосвязь всех четырех общественных сфер, соединяющую их в единое целое.

Человек – существо не только материальное и духовное, но и социальное: помимо материальных и духовных потребностей, у него есть потребность быть в группе. Эта потребность реализуется в отношениях с коллегами, родственниками, друзьями, единомышленниками, единоверцами, товарищами по спортивной команде и т.п. Но помимо круга непосредственного общения в процессе социализации человек приобщается и к более широкому кругу людей, идентифицируя себя по отношению к общим духовным ценностям или к общему положению в системе производства. По мере развития человека происходит процесс его социализации, становления как личности: расширяется круг отношений с близкими ему группами, осознается общность экономических интересов, усваиваются и принимаются, как собственные, их социальные ценности – растет число групп, воспринимаемых индивидом как «мы». Тем самым расширяется сфера социальной идентичности человека до пределов общества в целом. И всякий раз формирование круга идентичности «мы» сопровождается формированием отношения к тем, кто за пределами этого круга. Наряду со всяким «мы» возникают соответствующие «они».

Существуют, однако, группы, экономические интересы и социальные ценности которых не только не совпадают, но и вступают в противоречие друг с другом. В этом случае между «мы» и «они» возникают отношения конкуренции, а то и конфликта, переставшего при определенных условиях в противостояние по принципу «друг» – «враг». Наиболее важными для современного общества являются отношения по поводу противоположных материальных интересов и духовных ценностей между наемными работниками и работодателями (или классами), а также между различными этническими и религиозными группами. «Современная политология, – писал А.С. Панарин, – сочетает две методологические стратегии. Одна из них связана с процедурами отнесения к интересам. Раскрыть пружины “реальной политики” – значит вскрыть стоящие за ней интересы... Вторая стратегия связана с процедурами отнесения к ценностям. В аналитическом смысле она предполагает раскрытие той пружины политических событий, которая связана с конфликтом ценностей, менталитета, традиций» [Панарин 1997: 10]. Обе эти процедуры равноценны и отражают два реальных источника политики, коренящихся в экономической и духовной сферах, но проявляющих себя в форме социальных противоречий, в сфере социальной. Именно для регулирования отношений между значимыми социальными группами и существует сфера политического.

Могут возникать противоречия и между группами по половой, возрастной или иной принадлежности, но эти противоречия, как правило, уступают по остроте противоречиям, имеющим предпосылки в экономической и духовной сфере. Бывает, однако, что принадлежность к той или иной из таких групп связана с экономическим положением (молодежная безработица, производственная дискриминация по признаку пола и т.п.) или с формированием особых ценностных установок (субкультуры). Если такие группы достаточно консолидированы

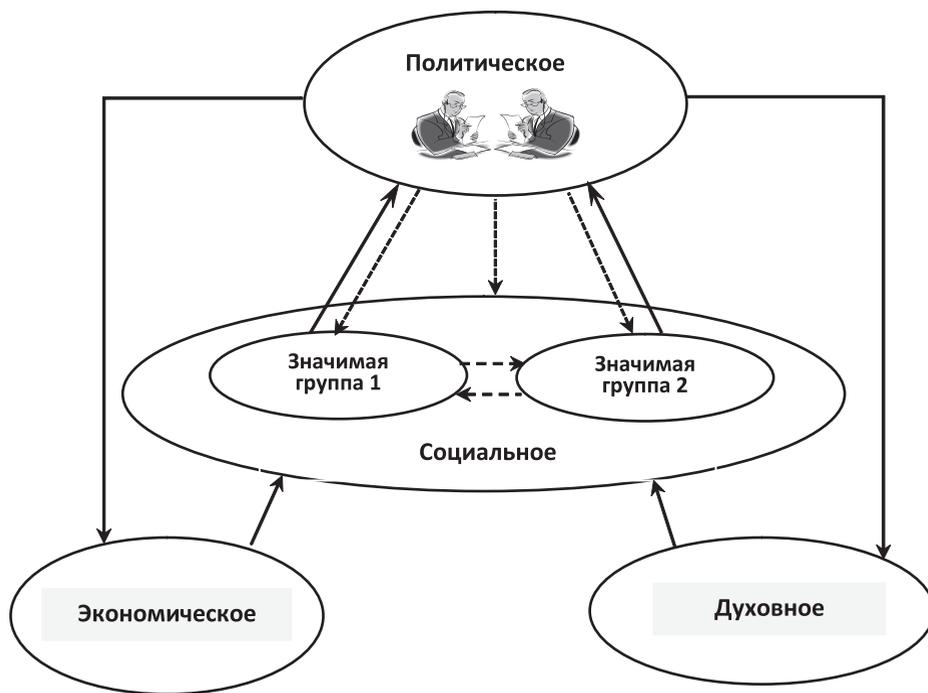

Рисунок 1. Схема взаимодействия между политической, социальной и духовной сферами

и оказывают влияние на принятие государственных решений, их тоже следует отнести к числу значимых социальных групп, отношение с которыми проецируются на сферу политического.

Таким образом, можно сказать, что экономическая и духовная сферы оказывают воздействие на сферу политическую, формируют ее не напрямую, а через социальную сферу, через отношения, складывающиеся между значимыми социальными группами с несовпадающими интересами и ценностями. Условно взаимодействие между этими сферами отображено на рис. 1.

Не договорившись о базовых понятиях, невозможно сформировать единое пространство научных представлений о мире политического. Скудость научного знания легко замещается богатством предвзятых интерпретаций и небескорыстных фантазий. Уходя от четкого обозначения предмета, политическая наука, как и любая иная, дает простор эклектике, тормозит собственное развитие и снижает свои прогностические возможности. Тем самым служители политологии сами дают пищу для разговоров об отсутствии этой науки или о ее ангажированности. Хочется надеяться, что данная публикация послужит снижению степени неопределенности в вопросе о предмете политологии.

Список литературы

Алексеева Т.А. 2005. Познание и сущность политического. — *Полития*. № 1. С. 144-170.

Вебер М. 1990. Политика как призвание и профессия. — *Избранные произведения*. М.: Прогресс. С. 644-706.

- Вернадский В.И. 1991. *Научная мысль как планетное явление*. М.: Наука. 268 с.
- Де Валь Ф. 2016. *Политика у шимпанзе. Власть и секс у приматов*. 2-е изд. М.: ИД ВШЭ. 272 с.
- Ильин И.А. 2007. *Путь к очевидности*. М.: Хранитель. 325 с.
- Карадже Т.В. 2013. Проблема определения «политического» в политической науке. — *Вопросы политологии*. № 3. С. 5-13.
- Маркс К. 1961. Замечания к программе Германской рабочей партии. — К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы. Т. 19. 670 с.
- Панарин А.С. 1997. *Политология*. М.: Проспект. 408 с.
- Парсонс Т. 1998. *Система современных обществ*. М.: Аспект Пресс. 270 с.
- Пастухов В.Б. 2007. Мы живем в «дополитическом» государстве. — *Ресурс АПН*. Доступ: <http://www.apn.ru/publications/article17284.htm> (проверено 01.05.2016).
- Пелипенко А.А. 2014. *Глобальный кризис и судьбы Запада*. М.: Знание. 224 с.
- Соловьев А.И. 2006. *Политология: Политическая теория, политические технологии*. М.: Аспект Пресс. 559 с.
- Соловьев А.И. 2007. Политика. — *Политология: Лексикон*. М.: РОССПЭН.
- Уемов А.И. 1963. *Вещи, свойства и отношения*. М.: Книга по Требованию. 184 с.
- Хейвуд Э. 2005. *Политология*. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 544 с.
- Шмитт К. 2012. *Понятие политического*. М.: НИЦ «Инженер». 172 с.
- Энгельс Ф. 1965. Конраду Шмидту. — К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы. Т. 37. 599 с.

SHABROV Oleg Fedorovich, Dr.Sci.(Pol.Sci.), Professor; Head of the Chair of Political Science and Political Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), President of the Academy of Political Science (84 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119571; oshabr@mail.ru)

THE CONCEPT OF POLITICAL: IS POLITICAL SCIENCE POSSIBLE?

Abstract. In the article basic concepts of political science – polity and political, are discussed. The author formulated criteria of social phenomena belonging to the sphere of political and defined the position of the political sphere in social system and its interrelation with economic, social and cultural spheres. The urgency of the problem of the subject certainty of political science is shown, the author also formulates the approaches to its solution. The author believes that this publication will decrease a degree of uncertainty in the question of political science subject.

Keywords: politics, political, political sphere, economic sphere, cultural sphere, social sphere